УДК 1(470)(091)
https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-54-77
EDN GYQXYR
Научная статья / Original article

В. И. Шаронов

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Калининград, Российская Федерация

Величие мысли: жизнь и наследие А. А. Ванеева. Часть I

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути, становлению личности и религиозно-философским взглядам Анатолия Анатольевича Ванеева (1922–1985), ученика и последователя Льва Платоновича Карсавина (1882–1952). Этот процесс представлен как духовное преображение обычного советского атеиста, усвоившего марксистско-ленинский материализм и атеизм с его примитивными истолкованиями христианства и Церкви, какие навязывала человеку вся партийно-государственная система образца 1920-х — 1930-х гг. На примере А. А. Ванеева показано, как воспитанный в неверии советский человек под влиянием жизненных испытаний и личных взаимоотношений осмыслял основания своих нравственных идеалов и приближался к вопросам о Боге и вере, осознавал их значение и нашел ответы. Под влиянием общения с Л. П. Карсавиным став верующим человеком, А. А. Ванеев пришел к пониманию всей серьезности и глубины атеизма современного человека, чье мировосприятие и миропонимание были воспитаны уже не православной традицией, а наукой и светской культурой. Он считал атеизм непреднамеренным результатом развития самой христианской мысли, выходом за собственные пределы и взглядом на себя со стороны. Ученик Л. П. Карсавина видел в этой проблеме новое духовное задание христианства, говорил и писал о необходимости осмысления атеизма, раскрытия богословского и философского смысла современного неверия. Согласно А. А. Ванееву, решение этих задач возможно только на основе безусловного признания православной догматики и ее эвристического значения.

В первой части публикуемой статьи, предназначенной для двух номеров журнала, предложен аналитический обзор того, как имена и наследие Л. П. Карсавина и А. А. Ванеева непросто входили в пространство советской, а далее российской и мировой культуры. В тексте имеется краткое описание архивного фонда А. А. Ванеева, использованного в качестве основной базы исследования.

CC BY-NC
© В. И. Шаронов, 2026

Ключевые слова: Анатолий Ванеев, Лев Карсавин, русская религиозная философия, метафизика, христианская вера, православие, атеизм, наука, секулярная культура

Для цитирования: *Шаронов В. И.* Величие мысли: жизнь и наследие А. А. Ванеева. Часть I // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2026. № 54. С. 54–77. https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-54-77; EDN GYQXYR

Поступила в редакцию 13.02.2026
Принята к публикации 29.04.2026

Vladimir I. Sharonov

Western Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
Kaliningrad, Russian Federation

Magnificence of Thought: The Life and Legacy of A. A. Vaneev. Part I

Abstract. The article is devoted to the life path and development of personality, religious and philosophical views of Anatoly Anatolyevich Vaneev (1922–1985), a student and follower of Lev Platonovich Karsavin (1882–1952). This process is presented as the spiritual transformation of an ordinary Soviet atheist who had internalized Marxist-Leninist materialism and atheism with its simplistic interpretations of Christianity and the Church, which were imposed on people by the entire party-state system of the 1920s and 1930s.

A. A. Vaneev's example shows the way a Soviet person brought up in disbelief, under the influence of life challenges and social relations came to understand the foundations of one's moral ideals and approached questions about God and faith, realized their significance, and found answers. The author reconstructs how, under the influence of his interactions with Karsavin, Vaneev, as a believer, realized the problem of atheism in the modern worldview of a person whose perception and understanding of the world are shaped by science and secular culture. He interpreted this new kind of atheism as a result of the development of Christianity itself, its interruption – going beyond its own limits and looking at itself from the outside. Karsavin's student considered this problem to be a new spiritual task – he spoke and wrote about the need to understand atheism in its various forms, about its non-randomness and the importance of revealing the theological and philosophical meaning of modern disbelief. According to A. A. Vaneev, this problem can only be solved on the basis of the unconditional acceptance of Orthodox dogma and the recognition of its heuristic significance.

Intended for two issues of the journal, the first part of the published article provides an analytical review of how the names and legacies of L. P. Karsavin and A. A. Vaneev have been integrated into the Soviet, and later Russian, and global cultural landscape. Additionally, the article includes a brief description of the archive used as the primary research source.

Keywords: Anatoly Vaneev, Lev Karsavin, Russian religious philosophy, metaphysics, Christian faith, Orthodoxy, atheism, science, and secular culture

For citation: Sharonov V. I. Magnificence of Thought: The Life and Legacy of A. A. Vaneev. Part I. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2026, no. 54, pp. 54–77. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-54-77

Submitted on 13 February, 2026

Accepted on 29 April, 2026

В один из дней на переломе между 1979-м и 1980-м гг., точную дату его уже никто не помнит, в ленинградскую квартиру рядом с известным местом «Пять углов» пришла туристка из Германии. Она сообщила хозяевам — Анатолию и Елене Ванеевым, что исполняет поручение автора книги «Christ sein» (1974) [«Быть христианином»] Ганса Кюнга[1] (1928–2021) и что ее поручитель хотел бы знать, как Анатолий Анатольевич оценивает его труд и в чем видит основные проблемы понимания христианского вероучения современным человеком.

Почему же мнение А. А. Ванеева, кого большинство знавших его людей считало рядовым учителем физики обычной советской школы, оказалось важным для одного из самых подготовленных и известных в мире католических теологов?

* * *

Большинству любителей отечественной истории и специалистов в области отечественной философии имя Анатолия Анатольевича Ванеева стало известно как автора важных теоретических произведений в 1988 г., когда Владимир Ефимович Аллой[2] опубликовал в своем парижском историческом альманахе «Минувшее» текст под названием «Два года в Абези». Источником для В. Е. Аллоя стал ходивший по рукам с середины 1980-х гг. самиздатовский вариант ма-

[1] Ганс Кюнг (1928–2021) — священник, крупнейший католический теолог, автор многих работ по догматическому и экуменическому богословию, предвосхитил в них решения II Ватиканского Собора. Автор доктрины о Церкви как временном институте, призванном служить наступлению Царства Божьего. Критик церковного авторитаризма, учения о безошибочности папы и др. В 1979 г. Конгрегация по вопросам вероучения, исторически известная также под именем инквизиции, вынесла определение, что Г. Кюнг не может считаться богословом, выражающим точку зрения Католической Церкви. Но он был оставлен в должности директора Института экуменических исследований и профессора экуменического богословия в Тюбингенском университете. Почтительно упоминал в своих работах православие.

[2] Аллой Владимир Ефимович (1945–2001) — издатель и публицист. В 1975 г. эмигрировал из СССР во Францию. Известен как основатель издательства «Феникс», журнала «Постскриптум», издатель исторических альманахов «Память» и «Минувшее». В 1982–1984 гг. был директором издательства при газете «Русская мысль».

шинописи, содержащий ошибки и утративший некоторые фрагменты (по всей видимости, из-за нескольких повторных перепечаток читателями)[3].

Первый тираж этого номера журнала получил тогда возможность распространяться и в СССР, но его тираж составлял всего 500 экземпляров[4]. В 1990 и 1992 гг. Владимир Аллой повторно выпустил этот номер в виде репринтного воспроизведения сразу в двух издательствах с совокупным тиражом 70 000 экз.[5]

Текст Анатолия Анатольевича Ванеева был посвящен Льву Платоновичу Карсавину, с которым автор провел последние годы его жизни в исправительно-трудовом лагере для нетрудоспособных. Зона эта вместе с несколькими подобными располагалась близ железнодорожной станции Абезь посередине на отрезке пути между Интой и Воркутой в Коми АССР, в 7 км от Полярного круга.

В альманахе автор текста о Л. П. Карсавине был представлен родным внуком одного из организаторов «Петербургского союза за освобождение рабочего класса» Анатолия Александровича Ванеева (1872–1899)[6], умершего в сибирской ссылке. Кроме того, сообщалось, что Анатолий Анатольевич в последние годы своей жизни занимал видное место среди ленинградской православной интеллигенции[7].

Подробные обстоятельства абезьских событий, описанные в книге, позволили В. Е. Аллою представить этот текст для читателей как «воспоминания»[8]. В. Е. Аллоя трудно обвинять в ошибке с определением жанра книги: наследие и идеи Л. П. Карсавина тогда были известны буквально единицам, к тому же нашу страну уже накрывала волна ранее подзапретной мемуаристики. В результате и профессиональные философоведы, и читатели-любители воспринимали передачу А. А. Ванеевым прямой речи Л. П. Карсавина как буквально

[3] Окончательная редакция была закончена А. А. Ванеевым в 1983 г. и подарена жене Елене Ивановне Ванеевой с дарственной надписью на обложке: «Моей Леночке». См: *Ванеев А. А.* Два года в Абези // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 95. Далее именуется «Архив Ванеева» с указанием номера дела.

[4] Здесь и далее в скобках за названием изданий указаны их тиражи, как правило, вынесенные в выходные данные книги, либо установленные нами из других источников. См. также: *Gouzévitch D.* Историко-документальные альманахи: обзор // Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 43, no. 4. P. 661–672.

[5] Минувшее: исторический альманах. [Вып.] 6. М., 1990; 1992. 491 с. См. также: *Гуськов В. А.* Исторические альманахи 1980–1990-х годов в системе историко-культурного познания: состав и проблематика публикаций. Эдиционная техника: дисс. … к. и. н. М., 1999. С. 148.

[6] После смерти Анатолия Александровича Ванеева его супруга Доминика Васильевна Труховская-Ванеева (1874–1920) вышла замуж за его родного брата Василия. В этом браке родился Юрий (1901–1976). Бабушка Ванеева была подругой Н. К. Крупской (1869–1939). Она тоже посвятила свою жизнь делу революции и коммунистической педагогике. Проживала в г. Бор Нижегородской области.

[7] См.: *Ванеев А. А.* Два года в Абези // Минувшее: исторический альманах. [Вып.] 6. Париж, 1988. С. 54–203 (здесь — с. 54).

[8] Там же.

сказанное в Абези в диалогах с окружающими. А. А. Ванеев, однако, передавал лишь главный смысл сказанного Л. П. Карсавиным, но все же в значительной степени в своей, авторской философской трактовке карсавинских идей. При своей отменной памяти он сознательно избрал метод оригинальной самостоятельной интерпретации идей своего учителя. Увы, глубокого религиозного философа в А. А. Ванееве даже специалисты не разглядели…

Еще в период самиздата лица, имевшие серьезную богословскую подготовку, такие, например, как профессор Московской духовной академии Н. К. Гаврюшин (1946–2019), тогда критически относившийся к идеям Л. П. Карсавина, признавали, что чтение книги Анатолия Ванеева производило сильное впечатление своим полифоническим содержанием и точно найденной интонацией. Она словно переносила читателя в полярный лагерь и делала его незримым соучастником диалогов Л. П. Карсавина, А. А. Ванеева и других собеседников[9].

В 1989 г. в «Литературной газете», имевшей тогда тираж 6 000 000 экз. (!)[10], был опубликован очерк С. С. Хоружего (1941–2020) о Л. П. Карсавине[11]. Анатолий Ванеев был представлен в статье очень кратко — «далеко не заурядным человеком, талантливым инженером, попавшим в лагерь совсем молодым и ставшим там верующим христианином», «Учеником» Льва Карсавина[12]. В чем это ученичество А. А. Ванеева выражалось, автор очерка не прояснил и подробностей о биографии не добавил. Эта публикация в газете закрепила установку для будущих читателей книги воспринимать ее в качестве «воспоминаний»[13].

В течение следующего, 1990 г. в свет вышло несколько изданий с произведениями А. А. Ванеева и о нем самом, позволявших научной и широкой общественности открыть в нем подвижника, спасшего для большой истории русской религиозной мысли последние произведения Л. П. Карсавина, и оценить Анатолия Анатольевича как оригинального самостоятельного мыслителя. Тогда журнал «Звезда» (тираж 334 000 экз.)[14], опубликовал «Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина», содержавший его первую цельную биографию и философскую интерпретацию А. А. Ванеевым основных метафизических и богословских подходов и главных идей большого русского мыслителя и ученого.

---

[9] Приводится личная оценка Н. К. Гаврюшина, сообщенная им в одном из писем к автору настоящей статьи в 2017 г.

[10] Об итогах подписки на центральные газеты и журналы на 1989 г. // Известия ЦК КПСС. Информационный ежемесячный журнал. М., 1989. № 1 (288). С. 139; Литературная газета // Сайт «Академик». URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/193372#1967.E2.80.941990 (дата обращения: 30.01.2026).

[11] *Хоружий С.* Лев Платонович Карсавин // Литературная газета. 1989. 22 февраля (№ 8 (5230)). С. 5.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] *Ванеев А. А.* Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 142, 138–151.

Самой важной характеристикой «Очерка» А. А. Ванеева, завершенного в 1979 г.[15], стало то, что в нем автор состоялся не только как исследователь, по крупицам собиравший больше двух десятилетий множество крайне рассеянных фактов и свидетельств о жизненном пути Л. П. Карсавина[16]. Одно из главных достоинств этого очерка — намеченные подходы к пониманию сложных карсавинских текстов для склонных к философскому размышлению читателей о своей религиозной вере и умозрительных представлениях.

Этот очерк, равно как и книга «Два года в Абези», представляли собой результат многолетних раздумий самого автора, какое духовное, т. е. религиозное значение наследие Льва Карсавина имеет для современного человека, размышляющего о Боге и ценностях секулярной культуры, и о том, что изменилось в личном миросозерцании нашего православного современника в его отношении к Церкви, Преданию, церковной традиции после 70 лет государственно-партийного атеизма. В устремленности к поиску личных ответов на эти вопросы — главное отличие работ Анатолия Ванеева от практически всего, что позднее было написано о взглядах и идеях Льва Карсавина и было создано в оптике бесстрастного (читай — равнодушного) научного изложения, выясняющего прямые и косвенные связи, влияния, отношение к философским и идеологическим течениям, занесению в систематизированную клеточку под биркой того или иного «изма»[17].

В том же, 1990 г. брюссельское католическое издательство «Жизнь с Богом» выпустило отдельный том, одноименный с книгой А. А. Ванеева, с подзаголовком «Памяти Л. П. Карсавина»[18] (300–500 экз.[19]). Помимо указанных выше

[15] *Е. В. [Елена Ивановна Ванеева]* Предисловие // Ванеев А. А. Два года в Абези // Звезда. 1990. № 12. С. 138.

[16] Тема участия Л. П. Карсавина в евразийском движении осталась в очерке не упомянутой. С высоким основанием можно предполагать, что, по понятным причинам, в условиях лагеря Л. П. Карсавин ее ни с кем обсуждал. Позднее, уже узнав об этом участии, вполне осознанно — в условиях советского времени — не стал этой темы касаться и А. А. Ванеев. По свидетельству К. К. Иванова, А. А. Ванеев «глубоко понимал и чувствовал превосходство религиозной философии над политикой, но, одновременно, не допускал при этом никакого высокомерия по отношению к сфере политики» (сообщено К. К. Ивановым лично в дружеском общении с автором статьи).

[17] Именно в том, что в текстах, посвященных наследию Л. П. Карсавина и созданных за прошедшие десятилетия, почти невозможно найти признаки соотнесения его идей и взглядов с собственной духовной жизнью их авторов, коренится причина лихих заявлений о конце русской религиозной философии к финалу XX в. См.: *Серебренников Н. В.* Начало и конец русской религиозной философии // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 421–429.

[18] *Ванеев А. А.* Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 386.

[19] Сообщено автору данной работы директором издательства YMCA-Press Н. А. Струве. Соответствует параметрам издания, указанным П. Н. Базановым. См.: *Базанов П. Н.* Парижское издательство «Пресс Либр» («La Press Libre») и газета «Русская мысль» // Вестник СПбГИК. 2023. № 3 (56), сентябрь. С. 146–154.

произведений А. А. Ванеева — книги и очерка о жизни и идеях Л. П. Карсавина[20] — в него вошли четыре части ванеевских «интервью» с разъяснениями о жанре и сквозной идее своего главного произведения. Закавычивание неслучайно: в текстах автор присутствовал сразу в двух ипостасях — самого себя и вымышленного корреспондента зарубежного христианского журнала[21], чем воспроизводил диалогический жанр некоторых ранних небольших философских работ Л. П. Карсавина.

Брюссельское издание, как и В. Е. Аллой, использовало самиздатовские тексты, переданные на Запад участниками ленинградского общества «Открытое христианство»[22]. По этой ли причине или в результате сознательного сокращения, но в редакции книги, опубликованной в Брюсселе, отсутствовал важный диалог А. А. Ванеева и Л. П. Карсавина, произошедший сразу после исповеди Льва Платоновича и касавшийся истории с недостоверными слухами о его переходе в католичество:

«Карсавин лежал навзничь, руки поверх одеяла. В разрезе незастегнутой рубашки я увидел, что на его груди лежали два креста — один мой, свинцовый, а второй — черный, блестевший миниатюрным распятием. Я удивился и спросил:

– Зачем на вас два креста?

Он посмотрел на меня чуть виновато.

– Это Свентонис, — сказал он, — приходил после исповеди. Поздравлял и захотел подарить крест. Я не возражал, чтобы его не огорчить. Пусть будут два»[23].

Важное значение имели опубликованные в брюссельском издании упомянутые «интервью» — авторские комментарии к книге «Два года в Абези». В них А. А. Ванеев подтвердил реальность всех упомянутых в тексте людей, но следом резко возразил против отнесения книги к жанру мемуаров. Определив жанр книги, посвященной Л. П. Карсавину, как «множественный идеологический диалог»[24],

---

[20] *Ванеев А. А.* Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Его же. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 337–366.

[21] *Ванеев А. А.* Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // Его же. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 190–215.

[22] О лицах, участвовавших в передаче материалов для книги в память Л. П. Карсавина см.: *Шаронов В. И.* «Незнаем Ты без них и без меня». Предисловие к первой публикации полной редакции «Венка сонетов» и «Терцин» Л. П. Карсавина // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 128.

[23] Фрагмент, выпавший из книги, вышедшей в католическом издательстве, цитируется по единственной полной и сверенной с авторским оригиналом редакции, опубликованной все в том же 1990 г. журналом «Наше наследие»; см.: *Ванеев А. А.* Два года в Абези // Наше наследие. 1990. № 4 (16). С. 98.

[24] *Ванеев А. А.* Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // Его же. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 191.

А. А. Ванеев пояснил, что в данном случае в его трактовке «идеология — это не многотомные сочинения. Идеология — это те слова, которые способны своим смыслом переключить нас в тот регистр, где истина является в прямой несомненности. В религии это слова, смысл которых приподнимает нас туда, где несомненно бытие Божие. Суть идеологии в том, чтобы от существования со всем его конкретным содержанием человек абстрагировался к сущности»[25].

Согласно Анатолию Ванееву, в его книге все разговоры Льва Карсавина и его окружения, так или иначе связаны со сквозной идеей, призванной помочь читателю понять новое качество современной религиозной ситуации — атеизма и и новые подходы к его христианскому пониманию: «Атеизм естественно вырастает из христианства и является его предельным выражением. Он есть та „предельная точка, где окончательное богоутверждение открывается человеку через богоотрицание“»[26].

В такой сверхкраткой формулировке это положение рискует остаться совершенно непонятным и отталкивающим для внушительной части православных читателей, привычно отождествляющих атеизм только с богоборчеством и, в конечном счете, следствием и результатом действия темных сил. Кого-то предложенное определение атеизма способно и вовсе ошеломить, оттолкнуть от чтения работ А. А. Ванеева…

Все дело в том, что Анатолий Анатольевич твердо различал, как за используемым им и остальными понятием «атеизм» скрываются совершенно разные явления: 1) атеизм — в трактовках традиционной религиозности, как грех, наиболее ярко выразившийся в русском марксизме как богоборчестве большевиков, коммунистов; 2) атеизм как несколько явлений, порожденных Новым временем, секулярной философией — разные типы мировоззрений современного человека, воспитанного европейской наукой. Первый вид атеизма А. А. Ванееву был вполне понятен как верующему, православному человеку, и концепция атеизма как выраженная позиция личного богоотрицания и богоборчества для него была абсолютно неприемлема. Но в качестве религиозного мыслителя он был захвачен теоретической проблемой атеизма другого рода, ставшего частью мировоззрения и верующих, и неверующих. Этот вид атеизма трудно различим современным человеком именно потому, что глубоко пропитал его, стал частью его религиозного мировосприятия. Сохраняя верность идеям Л. П. Карсавина, А. А. Ванеев полагал, что раскрытие религиозного смысла атеизма возможно только на фундаменте православной догматики и принципиального положения о ее эвристическом значении.

---

[25] *Ванеев А. А.* Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор». С. 191–192.

[26] Там же.

* * *

Выход в Брюсселе книги А. А. Ванеева был замечателен еще и тем, что содержал тексты, посвященные самому Анатолию Анатольевичу, раскрывавшие значение его личности и наследия. Их автором был главный многолетний собеседник и друг А. А. Ванеева, ленинградский религиозный философ К. К. Иванов (род. 1942 г.).

Из-за незначительного тиража брюссельского издания, а еще больше — неготовности в то время отечественного богословского и философского сообщества и вследствие опережающего интереса именно к личности Л. П. Карсавина, заслонившего собой все, автора книги «Два года в Абези» и в дальнейшем продолжили числить мемуаристом. Это восприятие окончательно зацементировала публикация книги в №№ III–IV журнала «Наше наследие» за 1990 г. (каждый номер имел тираж 200 000 экз.)[27]. Затем наступил продолжительный период, когда имя А. А. Ванеева встречалось несколько раз в виде кратких упоминаний в предисловиях С. С. Хоружего к книгам с произведениями Л. П. Карсавина.

В 1994 г. В. Ю. Пореш[28] попытался привлечь внимание к наследию А. А. Ванеева. Он передал несколько его машинописных текстов о. Рене Маришалю SJ[29], одному из редакторов журнала христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже «Символ». В результате две из полученных работ были опубликованы в одном из журналов, причем продуманно встык со статьей А. Ф. Лосева (1893–1988). Уже это указывало на оценку редакцией теоретического уровня этих ванеевских работ[30]. Первая из них называлась «Вторая новизна» и представляла собой блок небольших взаимосвязанных статей:

– «О независимости» [Об объективности][31];
– «О неизменности» [О единстве сознания];
– «О непрерывности» [О непрерывности через прерыв];
– «Что сознание знает о сознании» [Об удвоении сознания через познавательное отношение к себе самому];

---

[27] *Ванеев А. А.* Два года в Абези [Начало] // Наше наследие. М., 1990. № 3 (15). С. 61–83; *Его же.* Два года в Абези [Окончание] // Наше наследие. М., 1990. № 4 (16). С. 81–103. Отдельного внимания эта публикация заслуживает, поскольку она представляет единственную редакцию, тщательно сверенную с авторской рукописью.

[28] Пореш Владимир Юрьевич (1949–2023) — переводчик и религиозный подвижник, педагог. За участие в христианском семинаре, выпуск самиздатовского журнал «Община», хранение антисоветской литературы в 1980 г. был осужден. Освободился в 1985 г. Участвовал в выпуске самиздатского религиозно-философского журнала «Аминь» и был одним из учредителей религиозно-философского общества «Открытое христианство».

[29] SJ — аббревиатура названия ордена иезуитов «Societas Jesu» (лат.).

[30] Автор статьи находился в личной переписке с Рене Маришалем.

[31] В квадратных скобках нами даны ремарки, дающие представление об основной теме и содержании данного раздела в ст. «Вторая новизна».

– «О воскресении» [о неизбежности воскресения и неучтожимости личности];
– «Богоотрицание по существу есть самоотрицание» [О принципиально новом нашем религиозном переживании действительности];
– «О молитве. Проблема молитвы» [Молитва как соучастие в творении бытия];
– «Кто есть Ты?» [Абсолютное «Ты» есть прежде всего Бог Сын, конкретно явленный в Иисусе Христе];
– «О Молитве Господней» [Сын Божий принял на себя ответственность за все мироздание и жизнь этого и будущего века][32].

Вторую статью в «Символе», поименованную «Под углом умопремены», Анатолий Ванеев посвятил теме воскресения. В ней автор исходил из положения, что выход христианства в атеизме вовне себя впервые открывает взгляд на себя со стороны, предполагающий необходимость христианского осознания онтологических начал «и религии, и атеизма, и этики, и всей нашей действительности. Среди этих вопросов на первом месте вопрос об отношении к воскресению»[33].

«Символ» еще раз вернулся к наследию А. А. Ванеева в 2005 г., опубликовав под рубрикой «Из истории русской общественной и религиозной мысли» пьесу «Сновидение литературоведа, или Антифауст»[34]. Название «Антифауст» объясняется тем, что А. А. Ванеев увидел в бессмертном произведении Гете демаркационную веху, отделяющую нашу культуру от культуры традиционной религиозности.

Герои пьесы ведут между собой метафизические диалоги — подобные тем, что были выведены Ванеевым в книге «Два года в Абези». Но теперь центральным собеседником стал не Л. П. Карсавин, а сам А. А. Ванеев, беседующий со своими мысленными оппонентами о двух культурах — прошлой и современной.

«Антифауст» был завершен в середине 1970-х гг. За этим фактом замены центральной фигуры самим собой, организующим все диалоги, просматривается, что именно к моменту замысла и создания пьесы у автора завершился процесс личного самоопределения и А. А. Ванеев осознал себя мыслителем, идущим своим собственным путем, но сохраняющим благодарную преемственность с идеями Л. П. Карсавина. К сожалению, ни усилия В. Ю. Пореша, ни в целом внимание и оценка такого авторитетного мирового издания, как «Символ» не привели к тому, что фигура А. А. Ванеева и его работы оказались замечены и получили отклик в России. Должно было пройти еще почти два десятилетия, чтобы в атмосфере отечественных научных и богословских журналов что-то начало меняться, и в 2022 г. сразу несколько изданий из числа наиболее авторитетных проявили интерес и сочли опубликование текстов А. А. Ванеева достойным своих страниц.

---

[32] *Ванеев А. А.* Вторая новизна // Символ. 1994. № 32. С. 211–248.

[33] *Ванеев А. А.* Под углом умопремены // Символ. 1994. № 32. С. 249–254.

[34] *Ванеев А. А.* Сновидение литературоведа, или Антифауст // Символ. 2005. № 49. С. 209–228.

Журнал «Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии» опубликовал его статью «Мысленные наблюдения по поводу религии и атеизма»[35], созданную в 1979 г. «Вестник Московского университета» (серия «Философия») оценил высокую важность текста «Заметки к вопросу о религии»[36], написанного тогда же. «Вестник Российского государственного гуманитарного университета» напечатал самый первый философский опыт Анатолия Анатольевича «Письма Учителю»[37], написанные им в период ссылки в г. Инте в 1954–1955 гг. Наконец, журнал «Соловьевские исследования» напечатал авторский перевод А. А. Ванеевым сложной религиозно-философской работы Л. П. Карсавина «Дух и тело», первоначально увидевшей свет так, как ее писал сам Лев Платонович в лагере Абези в 1952 г., — на литовском языке[38].

* * *

В какой-то мере отсутствие интереса к наследию А. А. Ванеева объясняется тем, что следы его личного архива были надолго утеряны: архивный работник, взявшаяся по личной инициативе помочь родным А. А. Ванеева передать ящики с бумагами в фонды государственных хранилищ, по каким-то причинам не довела эту работу до завершения и оформления всех обязательных бумаг, подтверждающих прием документов в фонды. В результате следы личного архива, в т. ч. имеющие непосредственное отношение к Л. П. Карсавину, были утеряны. Безвестность тянулась долгие годы, пока «ящики с неизвестными бумагами» переносили в разные подсобные помещения.

По счастью, продолжительные поиски завершились успешно и все документы в целости и сохранности были переданы нами на хранение в Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, где фонд получил шифр Р-1012. Архив состоит из документов разного характера, в нем 131 дело, общее число листов — 7 602. Наибольшую ценность имеют тексты писем и работ Л. П. Карсавина, написанные в лагере, собственные работы и философские дневники А. А. Ванеева, его личная переписка с дочерьми

[35] Статья А. А. Ванеева «Мысленные наблюдения по поводу религии и атеизма» опубликована в качестве Приложения в составе: *Шаронов В. И.* Религиозная мысль Анатолия Ванеева: продолжение через прерыв // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2022. № 4 (16). С. 213–220.

[36] *Ванеев А.* Заметки к вопросу о религии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2022. № 6. С. 25–34.

[37] Письма к Учителю опубликованы в составе: Шаронов В. И. Погружая мысль в благодарную память. Предисловие к публикации: *Ванеев А. А.* Письма Учителю // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 12–29.

[38] *Карсавин Л. П.* Дух и тело / пер. А. В. [Анатолия Ванеева] // Соловьевские исследования. 2022. Вып. 3 (75). С. 97–122.

Л. П. Карсавина Ириной (1906–1987) и Сусанной (1921–2003), друзьями по заключению и другими значимыми для истории культуры лицами (в их числе В. М. Василенко[39], С. З. Галкин[40], Э. Б. Глинер[41], С. Добровольскис[42], Д. С. Дудко[43], С. А. Желудков[44], Е. Ч. Скржинская[45], В. Н. Шимкунас[46], И. Н. Пунина[47] и др.).

Отдельный блок — около 350 листов писем Анатолия Ванеева из мест заключения и ссылки с 1945 по 1955 гг. к матери Фелицате Александровне Ванеевой (1898–1959; ур. Арефьевой), множество текстов с его литературными опытами, созданными до войны и после нее (в т. ч. в лагерях), дневниковые записи и пр.

К более позднему периоду относится машинописная религиозно-философская переписка о вере и атеизме с упомянутыми выше К. К. Ивановым, о. Сергием Желудковым и другими корреспондентами.

Собственную ценность имеют содержательные письма, редкие фотографии, удостоверения и другие документы четырех поколений каждой фамильной ветви — Ванеевых и Арефьевых, многие представители которых важны с культурно-исторической точки зрения.

Многие документы личного архива А. А. Ванеева позволяют лучше понять, как происходили его творческий поиск, процесс духовного самоопределения. Друзья отмечали поразительную цепкость памяти Анатолия Анатольевича и его внимание к важным деталям, способность не терять ни крупицы пере-

[39] Василенко Виктор Михайлович (1905–1991) — доктор искусствоведения, профессор, историк искусства, поэт, один из корреспондентов А. А. Ахматовой, бывший узник Абези.

[40] С. З. Галкин (1897–1960) — известный и значительный еврейский поэт, бывший узник Абези.

[41] Глинер Эраст Борисович (1923–2021) впоследствии состоялся как крупный советский и американский ученый, физик-теоретик. Его имя вошло в науку как название антигравитирующей космической среды — вакуум Эйнштейна-Глинера и закреплено другими значительными результатами.

[42] Добровольскис Станисловас (1918–2005; в миру Альгирдас Миколас) — монах-францисканец (OFMCap), друг Анатолия Ванеева по заключению в Инте и после освобождения, видный католический священник, ставший одним из центров притяжения советской религиозной интеллигенции.

[43] Дудко Дмитрий Сергеевич (1922–2004) — протоиерей, церковный писатель и публицист, известный в советское время в СССР и за рубежом.

[44] Желудков Сергей Алексеевич (1909–1984) — протоиерей, церковный писатель и публицист, известный в советское время в СССР и за рубежом, организатор длительной «Открытой переписки» по вопросам веры и неверия.

[45] Скржинская Елена Чеславовна (1894–1981) — доктор исторических наук, медиевист, любовь и философская муза всей жизни Л. П. Карсавина.

[46] Шимкунас Владас Никодимо (1917–1979) — врач-патологоанатом в Абезьском лагере, опекавший с А. А. Ванеевым Л. П. Карсавина, спасший часть рукописей Л. П. Карсавина и приметы его могилы.

[47] Пунина Ирина Николаевна (1912–1992) — дочь Н. Н. Пунина, доктор искусствоведения, профессор.

житого[48]. Не случайно заметное число фрагментов в письмах из лагеря к матери опознаются не только в книге «Два года в Абези», но своеобразно переработаны в других теоретических работах. В этом ученик следовал главному в метафизике своего Учителя подходу, как его выразил сам А. А. Ванеев: в работах Л. П. Карсавина христианская идея призвана выражать себя в конкретном и наоборот — осмысление живого и конкретного обязано быть внутренне напряжено сосредоточенным размышлением так, чтобы разрешаться в идею[49].

* * *

Жизненный путь, духовные и интеллектуальные искания А. А. Ванеева делятся его встречей с Львом Платоновичем Карсавиным в 1950 г. на две почти равные, но отчетливо несовпадающие половины. История встречи и дружбы этих двух людей уникальна во многом: прежде всего ее особенность в том, что становление личности каждого из них происходило в условиях радикально несовпадающих, ведь они были разделены возрастным разрывом почти в два поколения, трагедией революции, поломавшей и перекроившей весь уклад жизни человека и общества. Л. П. Карсавин взрослел не просто в православной стране, но в стране, где православие было государственным вероисповеданием, пронизывало все уровни и звенья образования, воспитания, всего общества и культуры. А в лице Анатолия Ванеева Бог чудесным образом открыл Себя через Льва Карсавина человеку, выросшему в семье с глубоким почитанием и несомненным признанием мирового значения Октябрьской революции, воспитанному в сугубом атеизме, усвоившему культуру, заявляющую о своем разрыве с церковной традицией, литургической жизнью.

Наша церковная общественность узнала во второй половине XX в. тексты многих замечательных православных авторов, размышлявших о своей религиозной вере, Церкви, сомнениях и озарениях, о своем времени. Достаточно вспомнить работы, дневники и переписки протоиерея Александра Меня (1935–1990), Сергея Иосифовича Фуделя (1900–1977) и других, но все же в истоках веры и обстоятельствах их жизни не обнаружить такого столь радикального разрыва с церковной традицией, как это было в случае А. А. Ванеева до его встречи с Л. П. Карсавиным. В своих представлениях о религии, в отношении к ней он был буквально полновесно советским человеком, каким и хотели видеть всех граждан СССР коммунистическая идеология и обслуживающие ее ориентированные на марксизм-ленинизм обществоведческие науки.

И все-таки общее между этими авторами усмотреть возможно. Такой чертой была их личная искренность в духовной жизни, отношениях с Богом, Церковью

[48] См.: *Иванов К. К.* Памяти Анатолия Анатольевича Ванеева. В дни похорон // Ванеев А. А. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 376.

[49] Ср.: *Ванеев А. А.* Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 142.

и Преданием, людьми — и в своем самоосознании, своем «я». Эта искренность в своем истоке свободна, не подделывается под нормы внешнего благочестия, не спешит укрыться от трудных вопросов совести готовыми ответами и смягчить их вычитанными рецептами. И она не уповает, что она и есть гарантия от ошибок, собственных заблуждений, зацикленности на собственных сверхценных идеях, предлагает их на всеобщий суд, обсуждение и негорделивое самоутверждение, как это нередко бывает не только с религиозными авторами…

Как и все (или почти все) юноши, а позднее молодые и взрослые граждане, родившиеся во времена уже укрепившейся советской власти, Анатолий Ванеев до своего ареста и осуждения (и даже в первое время в лагере) с полным доверием опирался на обстоятельно усвоенное материалистическо-атеистическое истолкование науки и культуры «учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина»[50]. Становление личности А. А. Ванеева пришлось на период 1929–1939 гг.: эта временная рамка говорит сама за себя, указывая на то, что происходило тогда во внутриполитической жизни нашей страны, ее общественной атмосфере. Неудивительно поэтому, что в личных дневниковых записях и письмах А. А. Ванеева без труда проглядывают контуры положений сталинского «Краткого курса ВКП(б)», отзвуки ленинской теории отражения и идеологических оценок религии и Церкви. В литературных опытах сквозит стремление соответствовать тезисам социалистического реализма и т. п. ориентирам. Но не менее ярко в них проявлен и культ высоких личных нравственных идеалов, характерный для всех поколений семьи Ванеевых, выпукло представленный в воспоминаниях соратников его деда и бабушки[51], в личных бумагах отца, талантливого радиоинженера, и матери.

Усердие и высокие интеллектуальные способности выпускника школы с примерным поведением, аттестат, дающий право без экзаменов поступать в любой вуз[52], — все это как нельзя лучше соответствовало его легендарной революционной родословной по отцовской линии. В. Е. Аллой не ошибся и интуитивно правильно сделал акцент на родстве А. А. Ванеева с легендарным революционным дедом Анатолием Александровичем Ванеевым, скончавшимся в сибирской ссылке, ближайшим соратником Владимира Ильича Ульянова по петербургскому отделению «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Отношения этих двух революционеров были настолько близкими, что в своих письмах при упоминании Ванеева Ульянов неожиданно проявлял совсем не свойственные ему теплоту и сочувствие[53]. Он лично заказал и привез надгробную чугунную плиту на могилу Ванеева в с. Ермаковское Енисейской

[50] По ленинскому пути // Правда: [газета, орган ЦК КПСС]. 1939, 22 января (№ 22 (7707)). С. 1.

[51] Товарищи в борьбе. Письма соратников В. И. Ленина. 1896–1900. Красноярск, 1973. 491 с.

[52] Аттестат А. А. Ванеева от 23.06.1939 г. // Архив Ванеева. Д. 95.

[53] *Ленин В. И.* Письма к родным. 1894–1919. М., 1931. 484 с.

губернии и произнес над телом умершего товарища горячую речь, не удержавшись от грубого упрека и злобного выговора с упоминанием чёрта в адрес тех, кто пригласил на кладбище священника[54]…

Но, оказывается, мать А. А. Ванеева, Фелицата Александровна, урожденная Арефьева (1898–1959), через своего отца неожиданно связана с биографией В. И. Ульянова. Речь идет о времени, когда будущий обладатель псевдонима Ленин недолго был помощником присяжного поверенного в Самаре. Там его пути пересеклись с сызранским купцом Александром Николаевичем Арефьевым (1844–1905), воспитывавшим шесть дочерей, одной из которых и была Фелицата. Начинающий юрист Ульянов обвинил Арефьева в самоуправстве, и тот был по суду помещен на месяц в арестный дом[55]. В советской литературе об этом случае подробно не рассказывалось, но ограниченно упоминалось как о выигранном Лениным судебном процессе.

Имя соратника Анатолия Александровича Ванеева занимало особое место в «лениниане» и во всей истории партии большевиков, его успели присвоить улицам, теплоходу, даже установить памятники одному из первых революционеров и т. д. Известность об этом родстве следовала за внуком до конца жизни, он ею никогда не тяготился, но сам не озвучивал этот факт в публичном пространстве. Анатолий Ванеев относился с глубоким почтением к памяти о деде, бабушке, о маме и отце — своем полном тезке — Анатолии Анатольевиче Ванееве (1899–1941) и сохранил в архиве все связанные с ними документы, в т. ч. вырезки из газет, присланные ему братом по матери Юрием.

Отец А. А. Ванеева был убежденным противником религии: «К чорту попов и монахов!»[56], — записал он еще молодым в своем дневнике, богом для него стал на всю жизнь научно-технический прогресс. Он самоотверженно жертвовал ради него всем, и в первую очередь временем, которое мог бы проводить с любимыми женой и сыном. Как одного из самых талантливых инженеров, разрабатывающих электро- и радиооборудование и наиболее хорошо знавшего английский язык, в 1937 г. его командировали в составе небольшой группы в Америку в подразделение «General Electric»: тогда еще советской России позволялось осваивать новые технологии, хоть и за золото, и не боялись относительно честной конкуренции…

Именно под влиянием отца Анатолий Ванеев, долго и трудно колебавшийся в выборе между литературным творчеством и технической стезей, подал документы на химический факультет Ленинградского университета. Это

---

[54] *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. Мои встречи с В. И. Лениным // Пролетарский пролог. Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1893–1904 годах. Л., 1983. С. 109.

[55] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. М., 1974. С. 49–52.

[56] Блокнот с дневниковыми записями отца Анатолия Ванеева от 1917 г. // Архив Ванеева. Д. 98.

не помешало ему продолжить писать рассказы и студентом, и позже, и после того, как его, второкурсника, в октябре 1940 г. призвали в Красную армию[57].

В первые месяцы войны А. А. Ванеев успешно окончил программу командиров пулеметного расчета и был отправлен на фронт, где в потоке тяжелых и не прекращавшихся оборонительных боев под Ленинградом осенью 1941 г. был серьезно ранен в ногу. Почти в это же самое время на другом участке все той же оборонительной ленинградской линии погиб его отец, не пожелавший использовать свою бронь от призыва. Его личность особенно характеризуют письма, в которых он прежде всего просит жену прислать деньги для уплаты партийных взносов и только потом спрашивает о здоровье раненого сына, в заключение просит ее следить за новинками любимой филателии[58].

Попытки врачей несколькими сложными операциями в полевых условиях вернуть пулеметчика Ванеева в строй закончились обширным заражением, остеомиелитом. Госпитали на несколько лет стали местом частого пребывания в них Анатолия Анатольевича, он перенес множество тяжелых операций и был признан инвалидом. Видимо, под влиянием первоначально приходивших извещений о судьбе отца на одной из больничных коек он начал писать повесть «Без вести пропавший»[59]. Как можно судить по фрагментам сохраненных писем к матери, с каждым отказом редакции очередного журнала опубликовать очередной посланный рассказ в А. А. Ванееве все больше проявлялась наследованная от деда и отца поразительная целеустремленность: «Нет непреодолимых препятствий для тех, кто хочет победить жизнь. А я хочу, у меня есть цель, которой я достигну — большой и хороший стимул»[60].

Вернувшись в Ленинград в 1944 г., А. А. Ванеев устроился в школу преподавателем физики и вместе с другом детства Э. Б. Глинером начал заниматься в студии начинающего автора при Доме писателей им. В. Маяковского. Это приближение к своей цели — миру большой литературы и больших писателей — переживалось Анатолием Ванеевым как настоящее счастье. Но этот мир неожиданно открылся ему своей самой темной, подлой стороной писательской среды образца 1930-х — 1940-х гг. По доносу руководителя студии Бориса Дмитриевича Четверикова (1896–1981), уже видевшего себя в Правлении Ленинградского отделения Союза

[57] Письма Ванеева А. А. Ванеевой (урожд. Арефьевой) Ф. А., матери. Полные и неполные тексты (1938–1943) // Архив Ванеева. Д. 36; Личные документы Ванеева А. А. (выпись о рождении, протокол обыска, зачетная и трудовые книжки, справки, заявления и др.) и документы к его биографии (пригласительный билет на творческий вечер с его участием) (1922–1985) // Там же. Д. 95.

[58] Письма с фронта А. А. Ванеева-среднего к жене Фелицате Александровне от 20.09.1941; 26.09.1941; 27.10.1941 г. // Архив Ванеева. Д. 36.

[59] См.: Письмо А. А. Ванеева к Ф. А. Ванеевой (урожденной Арефьевой), матери от 12.08.1942 г. // Архив Ванеева. Д. 36.

[60] Письмо. Февраль, 1943 г. [дата написания не указана] // Архив Ванеева. Д. 39 (Письма Ванеева А. А. Ванеевой (урожд. Арефьевой) Ф. А., матери).

писателей СССР, Эраст Глинер и остальные студийцы один за другим были арестованы. В их числе 13 марта 1945 г. был арестован и Анатолий Ванеев.

Трагедию сопроводили несколько обстоятельств, полностью соответствующих политическим нормам того времени. Во-первых, материалом для обвинительного заключения стали рукописные черновики Анатолия Ванеева с его записями, какие недостатки в уже опубликованных в официальных журналах рассказах и повестях необходимо искоренить, чтобы реализм как метод литературы стал подлинно социалистическим.

Во-вторых, вослед аресту последнего студийца, упомянутого в доносе Б. Д. Четверикова, в камеру на Шпалерной был препровожден конвоирами и он сам. Вскоре трибунал нарезал Борису Дмитриевичу такой же срок в 10 лет лагерей, как и погубленным им питомцам литературного кружка, несмотря на то, что заметный советский писатель Четвериков «по совместительству» был до ареста и секретным сотрудником НКВД[61].

В-третьих, когда Б. Д. Четвериков уже был за колючей проволокой неподалеку от Тайшета, темные силы вспомнили про него и еще раз ухмыльнулись: на заседании комиссии по Сталинским премиям сам Сталин (!) неожиданно для всех предложил «дать премию товарищам Груздеву и Четверикову»[62]. Услышав в ответ, что его кандидат «сидит», Иосиф Виссарионович невозмутимо перешел к следующим вопросам[63].

* * *

Послевоенные советские лагеря были не лучшими местами, чтобы дарить заключенному поводы и материал видеть светлое, положительное в окружающей обстановке и людях. У Льва Карсавина было достаточно оснований убедиться в том, что, «лагерь выявляет сквернейшие качества человека, превращает его в животное»[64].

В письмах А. А. Ванеева нашлось место и темной стороне жизни образованного советского заключенного, выросшего в атмосфере культурных образцов и социалистического гуманизма: «Здесь человек, прилично одетый, сильно отличается от б о л ь ш и н с т в а[65] — опустившегося, одетого в хлам, духовно о с к о т е в ш е г о»[66].

---

[61] Заявление Э. Б. Глинера в Комиссию по реабилитации. 22.11.1954 г. // Архив Ванеева. Д. 62; Глинер Э. Б. Письмо к Ванееву А. А. от 04.12.1954 г. // Там же. Д. 62; Рапорт начальнику Следственного изолятора УНКГБ от 24.05.1945 г. в Личном деле заключенного Четверикова Б. Д. Е-365. Ангарск // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 197.

[62] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М., 1990. 431 с.

[63] Там же.

[64] *Ванеев А. А.* Два года в Абези // Наше наследие. 1990. № 4 (16). С. 87.

[65] Здесь и далее разрядка наша, если иное не оговорено.

[66] Письмо Ванеева к Ф. А. Ванеевой (урожд. Арефьевой), матери, от 1.11.1948 г. // Архив Ванеева. Д. 39.

Но все же итоговое понимание лагеря у А. А. Ванеева значительно не совпадало с тем, как передали лагерную жизнь три наших главных художника этой темы — В. Т. Шаламов, А. И. Солженицын и Г. Г. Демидов. Не отрицая фактов ужасов, насилия, Анатолий Ванеев неоднократно и в книге, и ранее в своих письмах из зоны подчеркивал, что лагерь для него более всего был страшен тем, что каждое мгновение, непрерывно, все в заключении направлено на то, чтобы погрузить человека в пустоту однообразия, которую он назвал бессюжетностью жизни, отсутствием в ней упругости, сопротивления, протеста, возражения, или обобщенно — о т с у т с т в и е м р а з в и т и я[67].

Анатолий Анатольевич в лагере отчетливо видел все стороны происходившего с ним и людьми, подмечал важное, способствующее жизнеспособности. Но одновременно с житейской сметкой, присущей ему, был убежден, что самое именно для него главное — не крестьянская способность к бытовой изворотливости, умение исхитриться, обмануть людей и обстоятельства, а совершенно другое: «Главный источник моего душевного равновесия в том, что устройство жизни для меня уяснилось, все ценности жизни я взвесил и определил их цену, определил и свое место среди людей, и от того мне ясна ведущая линия жизни, и что я должен делать, и как жить. И с таким сознанием даже если бы меня к черту на кулички упекли, я бы духом не очень огорчился»[68].

Эта цельность внутреннего мира, способность сохранять свои нравственные ценности и личные координаты жизни во всех ее низких и высоких проявлениях, внимательность к конкретной реальности и к своей рефлексии обеспечили Анатолию Ванееву понимание объемности и неоднозначности фактов реальности и событий, происходящих в его жизни. Важным импульсом для этого стала двусторонняя оценка истории своего фронтового ранения, первоначально казавшегося источником страданий в многолетних безрезультатных операциях на ноге из-за возникшего тяжелого остеомиелита. А в заключении то, что воспринималось на воле большой личной бедой, обернулось неожиданным и бесценным благом: вследствие официально признанной у А. А. Ванеева инвалидности его стали числить по категории заключенных, т. е. тех, кого надлежит использовать в режиме «индивидуального труда»[69]. Так, «благодаря» ранению, он избежал смертоносных работ — лесоповала, каторжной тачки и кайла, получал вполне сносные трудовые обязанности лагерного фельдшера, лаборанта и пр., позволявшие даже выкраивать время для самообразования.

[67] См.: *Ванеев А. А.* Два года в Абези [Начало] // Наше наследие. М., 1990. № 3 (15). С. 79. В эти слова А. А. Ванеев вкладывал и их значение, обращенное уже к нам — будущим читателям: что человек может лишь по видимости жить на свободе, но в действительности оставаться заключенным в стенах своей внутренней тюрьмы, если в его жизни нет развития.

[68] Письмо от 15.09.1949 г. // Архив Ванеева. Д. 39 (Письма к матери).

[69] Письмо от 4.01.1946 г. // Архив Ванеева. Д. 37 (Письма к матери).

Оно появлялось не часто и понемногу, но бесчисленность дней и вечеров лагерного срока это вполне исправила…

Заключенный А. А. Ванеев усовершенствовал немецкий язык в общении с немецкими военнопленными и подступился к изучению английского и латыни, используя общение с образованными узниками. Он освоил нотную грамоту, получил уроки рисования, постоянно просил мать присылать все новые и новые книги по высшей математике, физике, химии, астрономии, языкознанию, истории искусства, истории философии и др., советские литературные журналы и художественные издания… И во всем этом, особенно произведениях русской и советской литературы, он неизменно стремился разглядеть нечто высшее, определяющее главное в человеке, причем так, что стихийно прямо ставил главные вопросы человека — о Боге, религии, религиозной вере:

«Мои взгляды радикально материалистические, и между тем я знаю, что немощь одинокого человека перед общественными явлениями понуждает его искать силу внутри себя, верить в нее и уповать на нее; так было и так будет, такова духовная природа человека.

Я очень склонен верить в то, что есть нечто, что можно было назвать Высшей Справедливостью. Я понимаю ее не как нечто сверхчувственное, но просто как общий принцип равновесия.

Принцип равновесия справедлив для космических процессов и для каждого маленького процесса в лабораторной пробирке. Принцип равновесия справедлив для человеческого общества, — вероятно он справедлив и для каждой отдельной человеческой жизни»[70].

Идеализировать огромный разброс интересов Анатолия Ванеева до его встречи с Львом Карсавиным не приходится, он был следствием насаждавшегося в послереволюционной стране культа научного многознания как такового: отношения к науке и образованию, когда количественный багаж накопленного обеспечивался в ущерб пониманию, свободному личному осмыслению. А. А. Ванеев, как и миллионы его взрослевших сверстников, не мог сам осознать коварства такого одностороннего интеллектуального развития личности, тем более сам вождь мирового пролетариата утверждал в книгах, на агитационных плакатах и кумачовых транспарантах-лозунгах, что коммунистом, т. е. полноценным человеком будущего стать «можно лишь тогда, когда обогатишь свою память з н а н и е м всех тех богатств, которые выработало человечество»[71].

Интуитивно А. А. Ванеев чувствовал ограниченность своих представлений, напряженно старался уяснить, что его смутно и стихийно беспокоит,

[70] Письмо от 21.04.1946 г. // Архив Ванеева. Д. 37 (Письма к матери).

[71] *Ленин В. И.* Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Его же. Полное собрание сочинений. Т. 41 (май — ноябрь 1920 г.). М., 1974. С. 305.

даже силился достичь чего-то недостающего. Но долгое время он продолжал искать опору для ответов все так же обращаясь к новой книге, з н а ю щ е м у человеку, т. е. через з н а н и е. Продолжительное время фрагменты писем с попытками донести до матери самое важное о своем внутреннем состоянии представляют собой безрезультатные усилия восполнить чем-то новым недостающую цельность мировосприятия, согласие ума и сердца, преодолеть хаос бессистемно прочитанного. Анатолий Ванеев решил эту проблему систематизацией и упорядочиванием — подчинить все некой иерархической последовательности, но результатом был столь же неудовлетворительный рациональный схематизм, чью ограниченность он тоже ощущал под внешней убедительностью клеточек, стрелочек и столбиков. Понимание, что внешняя ежедневная организованность, упорядоченность быта, работы и увлечений и даже сам окружающий материальный мир из камня, бетона и стали совсем не так надежны, как они обычно воспринимаются людьми, Анатолию Ванееву открыл его внезапный арест. Он стал обрывом крепкой неизменной сцепки дней и ночей, распадом общей бытовой налаженности, обеспеченной благополучием жизни: все это вдруг распалось и вместе со всем — рухнули окрепшие было надежды на осуществление мечты — стать большим советским писателем. Всему прежнему не было места в крохотной одиночной камере, в ней были только он, ее стены и пустота, заполнившая собой пространство внутреннее и внешнее.

Предварительные выводы. Личность Анатолия Анатольевича Ванеева, история его подвижничества по сохранению имени и наследия Льва Платоновича Карсавина и собственное философское творчество по развитию идей своего учителя представляют собой один из уникальных и бесценных примеров поисков творчески одаренного советского человека своего подлинного духовного пути, которому государственная машина, руководимая атеистической и откровенно богоборческой идеологией, смогла навязать извращенные представления о религиозной вере, Церкви и Боге.

Успешное преодоление А. А. Ванеевым ограниченности его вульгарного материалистического мировоззрения происходило трудно и долго, будучи помещено между двумя полюсами, склоняющими его к той или иной однобокости мировосприятия и оценок: нравственные ценности семьи склоняли к идеализации и романтизации революции, самоценности атеистических ценностей, а жестокая реальность жизненного пути, в том числе в условиях заключения по необоснованному приговору, толкала на свободе — к карьеризму, соответствию творчества литературным образцам, поощряемым властью, а в лагере — к цинизму, эгоизму, аморальности и т. п.

Долгий путь в российскую философию имени и произведений А. А. Ванеева как самостоятельного оригинального мыслителя обусловлен и реальными обстоятельствами социально-культурной обстановки в нашей стране в конце

1980-х — начале 1990-х гг., и теоретическими особенностями его наследия. К первым следует отнести инерционное восприятие произведений А. А. Ванеева о Л. П. Карсавине в форматах книги как мемуаров, а очерка — как добросовестного компендиума.

Особенности наследия А. А. Ванеева определяют трудности восприятия главной разрабатываемой им религиозно-философской проблемы — современного атеизма. Ее понимание затруднено привычным шаблоном истолкования атеизма как следствия и результата греховной поврежденности человека и действия темных сил.

А. А. Ванеева же интересовал другой вид атеизма — явление, порожденное Новым временем христианства, секулярной философией. В первом значении атеизма как богоотрицания и богоборчества А. А. Ванеев не принимал. Но он считал, что второй вид атеизма трудно различим современным верующим человеком, поскольку вошел в его мировосприятие и характер мысли, глубоко пропитал его, стал частью его религиозного мировосприятия. А. А. Ванеев был убежден, что раскрытие религиозного смысла атеизма возможно только на фундаменте православной догматики и принципиального положения о ее эвристическом значении.

Более подробно содержание взглядов А. А. Ванеева будет раскрыто во второй части исследования.

Продолжение следует

Сокращения

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика.

СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

ТОКМ — Томский областной краеведческий музей.

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Источники

Ванеев А. А. Два года в Абези // Минувшее: исторический альманах. [Вып.] 6. Париж, 1988. С. 54–203.

Ванеев А. А. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990.

Ванеев А. А. Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Его же. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 337–366.

Ванеев А. А. Интервью, которое автор книги «Два года в Абези» дал корреспонденту журнала «Крисчен Уорлд Монитор» // Его же. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 190–215.

Ванеев А. А. Два года в Абези [Начало] / публ. Е. И. Ванеевой // Наше наследие. 1990. № 3 (15). С. 61–83.

Ванеев А. А. Два года в Абези [Окончание] / публ. Е. И. Ванеевой // Наше наследие. 1990. № 4 (16). С. 81–103.

Ванеев А. А. Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 138–151.

Ванеев А. А. Вторая новизна // Символ: журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. Париж, 1994. № 32. С. 211–248.

Ванеев А. А. Под углом умопремены // Символ: журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. Париж, 1994. № 32. С. 249–254.

Ванеев А. Заметки к вопросу о религии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2022. № 6. С. 25–34.

Ванеев А. А. «Мысленные наблюдения по поводу религии и атеизма». В прил. к ст.: Шаронов В. И. Религиозная мысль Анатолия Ванеева: продолжение через прерыв // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2022. № 4 (16). С. 199–220.

Ванеев А. А. Письма к Учителю. В прил. к ст.: Шаронов В. И. Погружая мысль в благодарную память. Предисловие к публикации: Ванеев А. А. Письма Учителю // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 12–29.

Е. В. [Елена Ивановна Ванеева] Предисловие к публ.: Ванеев А. А. Два года в Абези // Звезда. 1990. № 12. С. 138.

Иванов К. К. Л. П. Карсавин и А. А. Ванеев // Ванеев А. А. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 333–336.

Иванов К. К. Памяти Анатолия Анатольевича Ванеева. (В дни похорон [8.11.1985]) // Ванеев А. А. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 375–381.

Карсавин Л. П. Дух и тело / пер. А. В. [Анатолия Ванеева] // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 3 (75). С. 97–122.

Ленин В. И. Письма к родным. 1894–1919. М., 1931.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Его же. Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 41 (Май — Ноябрь 1920 г.). С. 298–318.

Об итогах подписки на центральные газеты и журналы на 1989 г. // Известия ЦК КПСС. Информационный ежемесячный журнал. М., 1989. № 1 (288). С. 139.

По ленинскому пути // Правда: [газета, орган ЦК КПСС]. 1939, 22 января (№ 22 (7707)). С. 1.

Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Мои встречи с В. И. Лениным // Пролетарский пролог. Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1893–1904 годах. Л., 1983. С. 108–119.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М., 1990.

Товарищи в борьбе. Письма соратников В. И. Ленина. 1896–1900. Красноярск, 1973.

Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. М., 1974.

ТОКМ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 197.

ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 36, 39, 62, 95, 98.

Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 151. Aprašas 3; 22; 23.

Литература

Базанов П. Н. Парижское издательство «Пресс Либр» («La Press Libre») и газета «Русская мысль» // Вестник СПбГИК. 2023. № 3 (56), сентябрь. С. 146–154. https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-3-146-154; EDN ILFJSB

Гуськов В. А. Исторические альманахи 1980–1990-х годов в системе историко-культурного познания: состав и проблематика публикаций. Эдиционная техника: дисс. … к. и. н.: 07.00.09. М., 1999.

Серебренников Н. В. Начало и конец русской религиозной философии // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 421–429. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-14-421-429; EDN DEJIPI

Слинин Я. А. Проходя сквозь блистательный огонь // Русофил. Русская философия и культура. Электронный проект памяти Льва Карсавина. URL: https://levkarsavin.ru/2018/09/03/ (дата обращения: 07.02.2026).

Хоружий С. Лев Платонович Карсавин // Литературная газета. 1989. 22 февраля (№ 8 (5230)). С. 5.

Шаронов В. И. «Незнаем Ты без них и без меня». Предисловие к первой публикации полной редакции «Венка сонетов» и «Терцин» Л. П. Карсавина // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 117–131. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_3_117; EDN HRAOEQ

Шаронов В. И. Погружая мысль в благодарную память. Предисловие к публикации: Ванеев А. А. Письма Учителю // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 4. С. 12–29. https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-4-12-29; EDN NXYCPM

Шаронов В. И. Религиозная мысль Анатолия Ванеева: продолжение через прерыв // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2022. № 4 (16). С. 199–220. https://doi.org/10.47132/2541-9587_2022_4_199; EDN FTQBLX

Gouzévitch D. Историко-документальные альманахи: обзор // Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 43, no. 4. P. 661–672. https://doi.org/10.4000/MONDERUSSE.123; EDN WWRVOX

References

Bazanov P. N. Parisian Publishing House “La Press Libre” and the Newspaper “Russian Thought”. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2023, no. 3 (56), September, pp. 146–154. https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-3-146-154 (In Russ.)

Gouzévitch D. Historical and Documentary Almanacs: An Overview. *Cahiers du monde russe*, 2002, vol. 43, no. 4, pp. 661–672. https://doi.org/10.4000/MONDERUSSE.123 (In Russ.)

Guskov V. A. *Historical Almanacs of the 1980s and 1990s in the System of Historical and Cultural Knowledge: Composition and Problems of Publications. An Unconventional Technique*. Dissertation of Cand. Sci/ (History). Moscow, 1999. (In Russ.)

Khoruzhiy S. Lev Platonovich Karsavin. *Literary Gazette*, 1989, February 22 (no. 8 (5230)), pp. 5. (In Russ.)

Serebrennikov N. V. The Beginning and the End of Russian Religious Philosophy. *Literary Fact*, 2019, no. 4 (14), pp. 421–429. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2019-14-421-429 (In Russ.)

Sharonov V. I. "You are unknown without them and without me". Preface to the first publication of the complete editions of "The Wreath of Sonnets" and "Tertsin" by L. P. Karsavin. *Christian Reading*, 2021, no. 3, pp. 117–131. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_3_117 (In Russ.)

Sharonov V. I. Anatoly Vaneev's Religious Thought: Continuation through Interruption. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2022, no. 4 (16), pp. 199–220. (In Russ.)

Sharonov V. I. Immersing the Thought in a Grateful Memory. Preface to the Publication: Vaneev A. A. Letters to the Teacher. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, 2022, no. 4, pp. 12–29. https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-4-12-29 (In Russ.)

Slinin Ya. A. Passing through the brilliant fire. Available at: https://levkarsavin.ru/2018/09/03/ (accessed: 07.02.2026). (In Russ.)

Информация об авторе

Шаронов Владимир Иванович
кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
236016, Российская Федерация,
г. Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62
E-mail: sharonovvi@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-9708-1446

Information about the Author

Sharonov, Vladimir Ivanovich
Cand. Sci. (Pedagogics), Leading Researcher

Western branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russian Federation, 236016 Kaliningrad,
Artilleriyskaya Str., 62
E-mail: sharonovvi@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-9708-1446